Конаева Алла Сергеевна
Белгородская область
Рег. № 3157.

# ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени_____класса_____

_____школы_____

_____

_____

51630

67

Анализ текста (~~рассказа~~ сказки А. Степанова „Руководство по наблюдению кучевых облаков".

„... А жизнь летит, не хочет ждать
Летит сквозь горечь расставаний
И сквозь ошибки прошлых лет,
Что позабудутся не скоро...
Ведь на такой большой Земле
Мы - просто куклы из фарфора".

Стих собственного сочинения (отрывок).

„Всё течёт, всё изменяется".

Жизнь - своего рода карусель, не на секунду не прекращающая движения. Конечно, со временем старые пассажиры спрыгивают, не выдержав отчаянной гонки, и освобождают место для храбрых, бесстрашных новичков. Но есть и особенно стойкие: им приходится иметь дело со стихией, из сидений их выталкивает, например, беспощадный порыв ветра - но не для того, чтобы бесстрастно бросить на землю и оставить в забытье, а с целью занести в другой конец парка. Там же можно с разбегу запрыгнуть на только что освободившееся место

51630

другого аттракциона, который ты наблюдал с высоты прошлого своего положения. И, поборов первоначальное головокружение, привыкнув к новой обстановке, ты становишься „своим" в кругу тех, кто уже не первые минуты находится на этой центрифуге.

Именно такую мысль вызвала у меня сказка Андрея Степанова „Руководство по наблюдению кучевых облаков". Произведение привлекло меня сразу, в первую очередь названием: довольно длинное, трудное для запоминания, оно могло предшествовать скорее сухой инструкции с перечнем действий в порядковой последовательности (что-то вроде „Как настроить фортепиано: подробное руководство к действию"). Однако, вопреки ожиданиям, за странным предложением, которым автор озаглавил произведение, последовал довольно насыщенный текст, полный удивительных образов и сочных красок. Отчего же такое „пресное" название было дано столь много

гранному, яркому тексту? Что хотел этим сказать Степанов? Попробуем разобраться.

~~В начале рассказа~~ во вступлении писатель приводит свою трактовку смысла жизни: гармония — та самая, которую столь трудно уловить в сумятошном мире; нечто возвышенное и необъяснимое; то, грань чего так легко уловить в неустанно меняющемся внутреннем мире, в душе. Он говорит о том, что смысл жизни есть лишь тогда, когда "человек лежит в траве и смотрит в "небо". Сразу же вспоминаются две вещи, восторгавшие Канта: звёздное небо и мысль о человеке. Минимум слов, максимум информативности. В мыслях тут же проскальзывают чёткие пейзажные зарисовки: небо, усыпанное янтарными крупинками, его синий бархат поглощает всю ~~[illegible]~~ тревогу и оставляет один вопрос: „Кто я и каково моё предназначение на планете?". Нечто подобное наблюдаем и у Степанова: безмятежность, бескрайний свод над голо-

вой и — до боли трогательное и новое отношение! — травинка в зубах. Этакий собирательный образ мыслителя-философа и простого русского мужичка, [illegible] невероятно метко детализированный.

Идем дальше и переходим к завязке рассказа. Здесь нам даётся первый — и, пожалуй, центральный образ — собор (как выясняем позднее, кафедральный). Что [illegible] является странным, повествователь не даёт ему особенно объёмных описаний, вернее сказать — практически не даёт вообще, оставив обширное поле для фантазии [illegible] читателю. Единственный факт, о котором мы осведомлены — цвет постройки: белый. Можно, конечно, сделать акцент на символичности цвета, говорящей сама за себя. Издавна белый цвет безмолвно указывал на чистоту, святость и непорочность — очень подходящее для религиозного здания качество. Но всё-таки не просто так автор окру-

живает этот образ старинными, жёлтыми постройками (здесь тоже может вспомниться словосочетание „пожелтевший от времени", усиляющее восприятие образов). Стоит отметить, что отдельного описания каждой постройке не даётся, они словно безлики и давно слились в одно целое, малоинтересное пятно.

И внезапно все вышеперечисленные персонажи, с лёгкой руки Степанова, оживают. Очевидное олицетворение, на котором построено всё произведение, объясняет, почему был выбран именно жанр сказки.

Теперь обратим внимание на характер главного персонажа и его положение. Многим это покажется безумно банальной вещью, но уверяю вас, в этом скрыто многое!

Итак, географическое положение указано довольно размыто: в некоем безымянном городе, на берегу неизвестной реки, высоко на неназванном холме... Однако высок он не только в плане местонахождения. Осмелюсь сделать вывод, что на фоне своих

верхних соседей он занимал более высокое положение нравственно. О чём говорят сразу несколько факторов: принадлежность к религии, мечтательность и тяга к высокому – последнее проявляется в привычке разговаривать с облаками. Здания по соседству – не менее почтенные, но весьма ворчливые – не одобряют подобного увлечения. Оно и ясно: что за бредовая идея – общаться с клочками пара, плывущими по небу? Разве могут они сказать хоть что-нибудь, а уж тем более – завести беседу? Ответ [redacted] собора предсказуем: конечно, да! Вердикт древних старцев-построек непреклонен: сумасшедший, ненормальный! Возникает конфликт, основанный на глубоком взаимном непонимании ввиду разных точек зрения вкупе с вечной проблемой – взаимоосуждением двух поколений. Улавливаем тонкие нити, связующие „Руководство..." с феноменальной комедией русской классики – грибоедовским „Горем

от ума": тот же конфликт „века нынешнего и века минувшего", подобное осуждение в сумасшествии вполне здравомыслящего и образованного человека и нежелание принять точку зрения собеседника в связи с сочтением своего мнения единственно верным. Множество сходств в образах: старинные постройки, как „высшее московское общество" у Грибоедова, не видят „дальше собственного носа", собор, так напоминающий Чаушского, так же не понят и несправедливо заклеймен именем сумасшедшего („в „Руководстве..." – „свихнувшегося"). Обосновывая сравнение, возможно, слишком смелое, скажу лишь, что для постмодерниста, к которому я отношу данную сказку, весьма характерно проведение параллелей между произведением классической литературы и произведением постмодерниста.

Вернёмся к нашему „чудаку" – собору и приглядимся к его „собеседникам" – облакам. На их описание автор не поскупился словами, называя их „особенными" – видимо,

не рассказать об их внешнем облике было бы непростительным преступлением. „Мягко-кучевые", „белые", „огромные", они так и разлетаются перед глазами невесомыми клочками ваты, а „их глаза и струи слоятся и струятся ~~сломались и струились~~" - фраза звучит странно из-за явного наличия в ней тафтологии, но причина её употребления может быть легко объяснима: один их вид приводит в такой неописуемый восторг, что подобрать какой-то восхитительный эпитет наблюдатель просто не в силах. Облака же, в свою очередь, поражают многообразием и неординарностью: то, как фламандец-добряк внезапно обращается дьяволом, а тот, в свою очередь, превращается в ангела, создаёт некий эффект скоротечности времени, а также указывает на бренность земного существования: собор „еле успевает откашливаться всеми водосточными трубами", а облако уже сменило форму, а вместе с тем и сущность, характер, манеру общения... А вот собор в течение

целого века не сменил совершенно ничего в своём величественном облике.

Кульминация застаёт читателя врасплох. О такой ситуации с усмешкой говорят в народе: „Ничего не предвещало беды", однако здесь нам отныне не до смеха. Лёгкие, искрящиеся светом, воздушные образы внезапно сменяются тяжёлыми и тёмными. Происходит эта смена всего за несколько предложений, когда воздух „заполненный воздухом и светом" купол наполняется мягким чёрным бредом. Автор не говорит об этом с трагизмом, тон его повествования по-прежнему весел, и даже о дальнейшем происшествии он говорит не как о вещи жуткой, ужасающей, а лишь как о чём-то „необычайном", словно не гроза пронзила купол, а ангел небесный пролетел вокруг него на глазах очарованной толпы. Даже слова, брошенные бредящим больным, — восклицания („Мадам, подождите секундочку!"), похожие на бодрые и игривые попытки познакомиться куда

больше, чем на бред умирающего (обыч-
но обрывки сказанных в бреду слов за-
вершаются „..." для придания отсутствую-
щей в ~~данном~~ этой части недосказанности
В этом мутном и очень уязвимом состоянии
собор встречает своего ~~[illegible]~~ двойника,
проявленного в негативе и созданного из
совершенно чёрной "туши - этим подчёрки-
вается неосознаваемая, непроглядная её темнота
~~Снова появляется в роль цвет~~

Чёрный цвет в большинстве случаев соседствует с чем-то очень плохим: страхом, горем, трауром, а в нашем случае подобная окраска туши характеризует её, как отрицательного персонажа, ознаменующего плохой конец. Нагнетающая обстановка всё нарастает и нарастает; кульминационная градация ползёт всё выше и выше, сопровождаясь „грохочущими" аллитерациями на „р" („С орды рванули вверх вороны", „вдруг... ринулись в сторону") - даже слова в эпизоде грохочут и рвут душу. Даже пессимистичность находит своё место в таком отте

мистическом роселе повествования – собор чувствует приближение чего-то не „удивительного", а „непоправимого" – наличие в слове – не – говорит само за себя и свой негативный оттенок содержания. Кульминация тем временем всё растёт — и неожиданно достигает своего пика, языками пламени срываясь на собор, обрушает перекрытия и низвергает на землю купол...

Гроза являлась символом непоправимых изменений в русской литературе, начиная с самого её появления. И в масштабных, известных каждому произведении, и в небольших рассказах, находящихся на слуху далеко не у всех, это явление стихии всегда играло переломную роль – будь то самоубийство героини в пьесе Островского „Гроза", гибель героини в лесу в произведении „Леди Макбет Мценского уезда" Лескова, или же всего лишь смерть гуся при попытке спасти поросят в рассказе Е. Носова „Белый гусь" – всё это происходит во время неистовой бушующей грозы, извергающей

безжалостные молнии из налитых свин
цом туч. Непредсказуемы последствия бур
как непредугаданы и повороты нашей
непокорной судьбы. В развязке Так, нечто, что ещё
недавно было собором, возвышавшим-
ся на холме, взлетает в небо, не понимая,
во что превратилось, и боясь подумать, что
ждёт его дальше — узнать бы для начала,
какого оно пола и на что похоже? Как отве
Из летящей неопределённости вырывается
сноп электрического света, затем — другой,
и только после этого мы действительно на
блюдаем новую сущность бывшего собор
Став чёрной тучей, [redacted] улетая в неизве-
данном направлении, уже не вспоминает
герой [redacted] об круглых старых зданиях и не
думает об их судьбе после грозы: быть
может, и их она злостно сокрушила, ос-
тавив на земле несколько тепелиц да
горку обломков. Ведь те никогда не верили
в то, чем когда-то был увенчан собор, и
разве может теперь быть им место на небе
Хотя, конечно, не исключено, что те остали

целыми и невредимыми и ныне лишь насмехались над навсегда их более не существующего соседа, который так и погиб, не желая принять их мудрых истин...

Далее начинается вторая часть сказки: эпилог, отделённый Степановым от основного повествования, которая открывает читателю завораживающий вид на ясную лазурь неба, сливающегося с морской бирюзой, и гармоничность картины усиливается плавным и мягким ассонансом на „о", текущего притоком в море, над которым оказалось облачко, прежде носившее статус собора: „Он очнулся над морем..., оглядев самого себя, понял, что от него осталось только небольшое облачко". Если развязка навеяла тревогу и отдавала недосказанностью, то эпилог светел, как и завязка, и буквально лучится позитивом, струящимся из каждого слова. Знакомясь с другим облаком, „ангелом", облако-собор не подаёт виду, что ничего ещё не знает в этом удивительном мире, жизни

после жизни", но, задавая слишком много очевидных вопросов („Почему зайцев?", „А где мы летим?") англу, сам раскрывает все карт которые тщательно пытался скрыть. Неизвестно, сколько времени займёт у него адаптация к новому миру и полное осозн ние безграничности своих возможностей. Тем не менее, с самого начала наш герой проявляет коммуникабельность и доброду шие, которые, вне всякого сомнения, ока жут ему добрую службу.

Кольцевая композиция сказки приводит два облака, слившихся в одно, к другому собору, и мы вновь замечаем уже знакомую, но слегка видоизменённую картину: облако, похожее на толстенького фламандца, радушно поливает собор, выстроенный в стиле готики. Если наш предыдущий объект изучения был собор рая православным, то этот скорее являе ся протестантским или католическим, о чём можно утверждать из-за его остры верхушки. Уже слышанный до этого

разговор облака с собором под недовольные, возмущённые бормотания жёлтых построек, не несущих никакой, кроме как культурной, ценности. Такую композицию автор выбрал не случайно: всей своей сказкой он перефразирует библейское "прахом ecь, прахом и обратишься" в более лёгкой и светлой, - будто настоящее облако! - понимании. И он, несомненно, прав: не показывает ли тяга храма к облакам, как к собратьям, что прежде, в далёком прошлом, и он был облаком, павшим на землю проливным дождём, окропившим её в том самом месте, где позже вырос ~~потом~~ собор?.. Но, будучи величавым и державным на вид, он оказался бессилен и хрупок в лапах коварной стихии и пал её очередной жертвой.

Но не так ли устроен наш мир, что на не прекращающем кружения земном шаре не перестают втекать и вытекать друг в друга дождевыми каплями наши

жизненные линии? Даже после смерти, когда, кажется, больше ничего нет и быть не может, не обретаем ли мы бессмертие в мире ином, вечном, мире добра и света. Но далеко не все находят в нём последний приют, а лишь те, чья святая вера в этот мир не пошатнулась, несмотря на упорные убеждения окружающих. Так и наш храм, герой-мечтатель, после трагической гибели обретает покой в облике облака. Да после смерти ли, или лишь после перехода из одной жизни в другую, реинкарнировавшись - то, во что верил.

Действительно ли вёл он разговоры с облаками, или лишь развлекал себя из-за одиночества, будучи отвергнутым окружающим его обществом? Вероятно, что он действительно что-то слышал, подобно тому, как в рассказе Одоевского „Игоша" мальчик общался с шаловливым духом без рук и ног, которого мог видеть и слышать только он. Тогда встаёт вопро

кем же всё-таки был белый собор: сумасшедшим с рождения чудаком или не понятым обществом гением, мечтателем и посланником высших сил? Ответа на него не могут найти уже не один век.

В советской мультипликации есть один невероятно мудрый и философский мультфильм, который называется „Икар". В нём разыграна следующая ситуация: когда-то, давным-давно в мире существовала страна мудрецов, где каждый мог похвастаться совершенными знаниями в одной из областей науки. И лишь один из них, будёный, был презираем всеми. Его звали Икаром, позабыв настоящее имя. Он отказался от науки, [redacted] и посвятил всего себя одной цели: научиться летать. (Отсюда и вытекает причина клички – в мифах древней Греции есть повествование о человеке, который пытался бежать из тюрьмы, создав крылья из птичьих перьев и воска, но при полёте приблизился к солнцу,

расплавившему воск, упал и разбился. Икар целыми сутками разрабатывал схему крыльев, и, наконец мудрецам, сумел привести её в действие. Он разбежался — и взлетел!.. Но, после довольно долгого полёта не выдержал и разбился. Вокруг него собралась толпа зевак-мудрецов, многие из них оплакивали его... Его душа Икара тем временем устремилась в недосягаемую простому смертному высь небес.

В завершающей сцене маленький мальчик ловит в воздухе принесённую ветром бумагу, которой оказываются разработки Икара, и изучает её с большим интересом. Наверное, и он загорелся мечтой, которой всю свою жизнь был болен Икар...

Согласитесь, всё это довольно похоже на сюжет „Руководства". Глупцом собор считался лишь в своём обществе, в то время, как [illegible] на другом конце Земли в наискучнейшем обществе грустил такой же — не внешне, но душевно — герой сказки.

Само произведение может быть воспринято по-разному, я лишь восхищаюсь талантом писателя, сумевшего из бесцветных нитей слов сплести роскошное кружево, за сказочным завесом которого скрывается реальная, полная несправедливости, жизнь. Ведь сколько людей однако отмеряют шагами своё бессмысленное существование из-за того, что в своё время оказались рядом не с теми людьми?! Сколько жертв равнодушия было раздавлено тяжестью общественного мнения?!.. Ведь не все относятся к критике с таким же, как герой, безразличным равнодушием.

Равнодушие. Это слово красной нитью проходит сквозь образную систему рассказа. Это замечательное качество присваивается к "носатому фламандцу", и волку, и медведю, формы которых принимают облака. Безусловно, и центральному образу-собору, впоследствии ставшему таким же облаком - оно не чуждо. Второстепенные же образы - жёлтые, старинные постройки и

чёрная туча, причина пожара, погубившего собор, контрастны облакам и храму их качества - вечливость и беспощадность соответственно.

Даже обыкновенные эпитеты под пером Степанова блещут новыми искрящимися оттенками: „синие" облака у него - „жемчужно-голубые", туловище дьявола не ярко-красное, а цвета гематиты, а обрывки облаков - „мелкая облачная россыпь". Сравнения изысканны и неповторимы - чего стоит хотя бы ласточка, „проносящаяся быстро, как мысль". Но, как уже было упомянуто, олицетворение, вдохнувшее жизнь в обыкновенные здания и природные явления, заставляет взглянуть на мир совершенно по-другому.

Стиль речи отчасти можно даже счесть за разговорный, что наблюдается через „просторечное „ни черта", выдуманную авторами игру слов „забаловать бы эти бамбеи" и перефразировку стандартных разговорных фраз относительно главного

Героя-храма - в совокупности со свойственными ему качествами, более человечными, чем у многих людей в наши дни: „Голубой купол", „Краем купола понимал". Чувствуется его заинтересованность в том, что происходит в мире, выраженная множеством коротких вопросов при диалогах с облаками и самолётом; также заметна его любовь к жизни и желание впитать от неё всё. Каждый из нас - здание, душа любого - храм. Не мы решаем, каков наш облик, но лишь от нас зависит, во имя чего мы будем служить.

Право верить, любить и мечтать - это то, что никто не может забрать у личности. Пусть вокруг не переставая хлещет яростный дождь, ноги подкашиваются, а язык немеет; пусть весь мир соберётся вокруг плотным кольцом и будет кричать о том, как ложны твои убеждения — никогда не забывай, что ты не одинок, и пробьёт час, когда справедливость защитит

тебя своим плащом от бездушных людей. Мечтая и веруя, ты выделяешь себя из серой массы, и когда-нибудь то, что ты из себя представлял, станет примером для подражания чьей-то новой жизни. Не умея изменить судьбу, нам дана бесценная возможность не изменять самим себе. И только те, чьи намерения чисты, а мысли не смешаны с грязью чужих убеждений; те, кто будет сражен, но не сломлен, получат награду за жизнь, которую хотя бы за это можно априори приравнять к подвигу.

— Сотни лет и день, и ночь вращая
карусель - Земля...
Сотни лет её в жизни возврата
на круги своя".

$K_1 - 30$
$K_2 - 15$
$K_3 - 7$
$K_4 - 10$
$K_5 - 5$
67

Работа представляет собой действительно целостный анализ текста, именно как постижение смысла в «лабиринте сцеплений». Хотя есть некоторая «рыхлость» наблюдений и параллелей, подкупает самостоятельность и глубина суждений автора.

Рецензент — /Красносёлова Л.А/
Ж.Ж. — /Ганчук Н.М./